

На следующее утро

За завтраком — вторник, 1 ноября 1994

г. В Большом зале Хогвартса

В середине гриффиндорского стола сидели Гермиона и остальные четверокурсники Гриффиндора, за исключением самого известного четверокурсника Гриффиндора. Гарри Поттера, вопреки предсказанию директора, в замке не было.

Кто-то хотел ликовать по этому факту. Гермиона услышала позади себя аристократическую растяжку: — Где твой бойфренд, грязнокровка? Не здесь, почему это? Ах да, он сбежал, потому что Поттер трус! ”

Из всех реакций, которых ожидали Драко Малфой и его подставки для книг, «самая умная ведьма своего возраста» не должна была разразиться взрывами смеха .

— Боже, Малфой, ты всегда был таким глупым или ты поскользнулся в душе сегодня утром и ударился головой? Ты никогда никуда не уезжаешь без Крэбба и Гойла, они были с тобой, когда я встретил тебя в первом поезде, а кого-то еще ты называешь трусом? Ваше поведение кричит : «Я не хочу драться с гриффиндорцем один на один, потому что тогда я могу пострадать». ”

Драко прорычал: — Тебе лучше следить за тем, что говоришь, грязнокровка . Когда мой отец узнает об этом...

— ...ты надеешься, что он придет сюда, в замок, тогда вместо двух человек, за которых можно спрятаться , у тебя будет трое . Как насчет того, чтобы пригласить и маму — будет четыре! ”

Весь Большой Зал презрительно расхохотался, а Гермиона услышала рассеянные аплодисменты.

Когда Драко бросился прочь, Гермиона соскользнула со скамейки и закричала ему в спину: — Почему, Малфой, когда директор назвал имя Гарри, а Гарри отказался участвовать в Турнире, ты не заговорил и не вызвался занять место Гарри? ? Было ли это потому, что вы были слишком напуганы? ”

Драко сжал кулаки, но не повернулся и не ответил.

Несколько минут спустя, все еще за столом Гриффиндора.

Рон таявал что-то о Чадли Кэннонс, когда Невилл сказал: — Заткнись, Рон. Никто не хочет слышать о тебе».

— Что ты сказал, Сквиб? ”

« Вы назвали Гарри Поттера мошенником и лжецом. Он ушел из-за тебя . Ты больше не «лучший друг» Гарри Поттера, и уж точно не мой, так что молчи. Кроме того, ты ешь как свинья».

Большинство гриффиндорцев за завтраком аплодировали. Уши Рона покраснели.

От шестикурсников Гриффиндора пришли такие слова: «Гриффиндор может забыть... »

«...победа в каждой игре...»

«...в течение следующих четырех лет...»

— ...и все из-за хилых Ронникинов.

Джинни Уизли, сидевшая среди третьекурсников, уставилась на младшего брата. «Я так сильно хочу , чтобы Бэт-Буги заколдовал тебя прямо сейчас, даже если это принесет мне наказание».

Рон посмотрел на остальных за столом. «Поттер обманул . Вы все это видели.

Падма Патил, сидевшая за столом Рэйвенкло, громко сказала: — То, что я видела, Уизли, было Гарри Поттером, дающим Клятву своей магией и своей жизнью , что он не жульничал. Вы не заметили, что Гарри не упал замертво прямо сейчас? Или заметил, что Гарри применил заклинание Сонорус сразу после этого?»

Невилл повысил голос, чтобы его услышал весь гриффиндорский стол: «Поднимите руку, если вы согласны с Роном в том, что Гарри Поттер — мошенник, лжец и трус».

Рука Рона быстро поднялась. Больше ни у кого рука не поднялась; и руки близнецов остались опущенными.

Невилл снова громко сказал: «Теперь поднимите руку, если вы думаете, что кто-то другой заставил имя Гарри появиться из Кубка».

Рон дернул руку вниз, когда рука Невилла и рука Гермионы поднялись. На самом деле поднялись руки всех гриффиндорцев, кроме Рона, включая близнецов.

Гермиона тихо сказала: — Невилл, оглянись.

Невилл повернулся на своей скамейке. Падма Патил, светловолосая Рейвенкло и многие другие Рейвенкло подняли руки. Среди хаффлпафцев с поднятыми руками были Ханна Эбботт, Сьюзен Боунс и Седрик Диггори.

За слизеринским столом Дафна Гринграсс тоже подняла руку. Она прорычала: — Ни слова , Драко.

Многие студенты Шармбатона и Дурмстранга подняли руки. Среди них были и Виктор Крам, и Флер Делакур.

Затем Невилл задал гриффиндорцам еще один вопрос, громко, но на этот раз его голос сорвался: «Кто здесь поверил Гарри Поттеру, но сегодня утром стыдится , что мы не сказали ему, что поверили ему?» Со сгорбленными плечами Невилл добавил: «Гермиона была храброй, и девушка из Рейвенкло была храброй, но я не сказал Гарри о своих чувствах, и теперь мне стыдно за себя».

Руки гриффиндорцев, которые были подняты несколько секунд назад, опустились во время последней речи Невилла. Но когда Невилл поднял руку во второй раз, остальные гриффиндорцы заколебались, затем медленно подняли руки все, кроме Рона и Гермионы. У более чем половины гриффиндорцев с поднятыми руками были красные смущенные лица.

Позади Невилла из-за стола Рейвенкло прозвучал женский голос: «Ты был храбр прошлой ночью, Невилл Лонгботтом? Я не могу сказать. Но теперь ты смелый.

Полтора часа спустя

Кабинет директора Департамента магического правопорядка

Амелию Боунс не удивило, что она вошла в свой офис, и через несколько минут совы попытались доставить ей письма.

Амелия, однако, очень удивилась, когда одна из почтовых сов стала белоснежной, а доставленный таким образом маггловский конверт был от Гарри Поттера...

— тот самый Гарри Поттер, который прошлой ночью дал клятву, щелкнул собственной палочкой и вышел из Хогвартса.

Конверт с письмом Гарри Поттера был толстым, потому что к письму прилагались уменьшенные копии завещаний его отца и матери.

По какой-то причине в письме Гарри не упоминалось его имя, вышедшее из Кубка Огня. Но в письме Гарри упоминались и другие вещи, и все это приводило Амелию в ступор.

Маггловская тетя Гарри не должна была быть маггловским опекуном Гарри, но она им была. Тетя Гарри и ее муж оскорбляли Гарри, но никто, магглы или волшебники, не обращал на это внимания. Альбус Дамблдор не должен был быть магическим опекуном Гарри, но он им был. Сама Амелия была третьей в списке опекунов Гарри (после Сириуса Блэка и Алисы Лонгботтом), но это был первый раз, когда Амелия услышала об этом. Дурсли, Альбус Дамблдор и Молли Уизли украли из трастового хранилища Гарри.

Сириус Блэк не мог убить родителей Гарри, потому что он был крёстным отцом Гарри, а Питер Петтигрю был Хранителем Тайны; но Блэк был брошен в Азкабан без суда, а главный маг (Дамблдор) никогда не призывал к суду.

(Амелии стало стыдно. Все это в письме о Сириусе Блэке Амелия должна была узнать тринадцать лет назад самостоятельно. Амелии не нужно было, чтобы четырнадцатилетний мальчик указывал ей на эти факты.)

Что больше всего беспокоило Гарри, писал он, так это то, что он не только подвергся жестокому обращению, но его насилие оставалось незамеченным и без лечения...

Перед Хогвартсом, когда я собирался в маггловскую начальную школу, я рассказал двум учителям о том, что мои родственники нанесли мне сотрясение мозга, переломы костей и шрамы. Ничего не вышло. Если какая-либо учительница замечала мои нарушения сама, без моего указания на эти нарушения, ничего не делалось.

До Хогвартса я считал, что ни один взрослый ничего не сделал для меня, потому что никому взрослому было наплевать. Но теперь мне интересно, уничтожил ли Дамблдор моих учителей и/или заколдовал ли их Принуждение.

Потом я попал в Хогвартс. Здесь я узнал, что Альбус Дамблдор — самый жестокий «добрый дедушка» на планете, Северус Снейп — озлобленный отшельник, которому дали карт-бланш, чтобы вести себя жестоко по отношению к детям, а остальные профессора либо слепы, либо безразличны.

Поппи Помфри — по-настоящему заботливый человек, и, сколько бы раз я ни находился в больничном крыле, она, должно быть, замечала мое недоедание, неправильно сросшиеся кости и шрамы на моем теле — но ни о чем из этого она не сообщила в DMLE. . Я подозреваю, что Дамблдор свел с ума мадам Помфри.

Так что я должен спросить: должен ли я ждать, пока мне исполнится семнадцать, а затем тратить свои собственные деньги (при условии, что Дамблдор и Молли не опустошат мои хранилища к тому времени), чтобы организовать свое собственное лечение от моих

злоупотреблений, потому что до тех пор, пока тогда мои обидчики могут обращаться со мной, как хотят, и ничто их не остановит?

Первое, что сделала Амелия, прочитав письмо Гарри, — отправилась в Департамент документации Министерства. Она нашла завещания Джеймса Поттера и Лили Поттер, но оба завещания были запечатаны по приказу Главного Мага. А кто в то время был Главным Чернокнижником? Альбус Дамблдор.

Следующее, что сделала Амелия, — нанесла визит в Гринготтс. В конце концов ее привели к менеджеру по работе с клиентами Поттера, Ахефрензу. У Амелии была образовательная беседа с Ахефрензу, особенно после того, как Амелия упомянула, что Кубок Огня сделал невозможное и выплюнул имя Гарри Поттера. Ахефрензу подтвердил Амелии, что с 1981 года из трастового хранилища Гарри под номером 687 было снято много средств, причем ровно два изъятия были сделаны самим Гарри.

Амелия, поговорив с Ахефрензу, вышла из Гринготтса. Как только она спустилась со всех ступенек Гринготтса, она аппарировала к парадным воротам Хогвартса.

Через несколько минут

Когда Амелия шла через замок Хогвартс к больничному крылу, она, казалось, не обращала внимания на портреты, висевшие вдоль стен коридора, по которому она сейчас спешила. Но Амелия хорошо знала эти портреты; она знала, что эти портреты сообщат Дамблдору о ее присутствии в замке. Амелия нахмурилась.

Когда Амелия добралась до места назначения и вошла в двери больничного крыла, она обнаружила, что мадам Помфри разговаривает с двумя краснолицыми слизеринками. Амелия оценила девочек как тринадцать лет. Амелия вспомнила два своих разговора с мадам Помфри примерно в тринадцать лет, которые заставили юную Амелию сильно покраснеть.

Амелия села на край кровати и подождала, пока покрасневшие девушки уйдут. Амелия заметила, что все койки в больничном крыле пустовали. Над одной кроватью к стене была приклеена медная табличка: «Официальная реабилитационная кровать Гарри Поттера».

Теперь, когда Амелия была наедине с мадам Помфри, Амелия не теряла времени даром: «Во время того, как вы много раз осматривали Гарри Поттера на предмет школьных травм, вы заметили, что у него были другие травмы, которые были нанесены вне школы?»

— Да, конечно, — ответила Помфри.

«Травмы вне школы, которые относились к типу или были достаточно серьезными, чтобы означать жестокое обращение? — настаивала Амелия.

Лицо Целителя стало пустым. «Гарри Поттер не подвергается насилию, когда он со своей маггловской семьей. Гарри Поттеру не повезло, и за пределами школы у него было много серьезных несчастных случаев».

Амелия подумала: «Ее Империиус наложили! Или хотя бы принудительно . Амелия оглушила целителя.

Амелия левитировала бессознательное тело Помфри в аварийный камин Святого Мунго, который находился рядом с офисом Помфри. Амелия постучала волшебной палочкой по кирпичу камина и сказала: — Чрезвычайная ситуация со Святым Мунго! Авторизация: Амелия Боунс, DMLE.

Камин камина загорелся зеленым, и появилось человеческое лицо. «Пожалуйста, укажите характер неотложной медицинской помощи».

Амелия ответила: «Я Амелия Боунс, директор DMLE. У меня здесь Поппи Помфри, которую я оглушил. Две вещи. Во-первых, я хочу, чтобы вы сделали ей сканирование ОРСС&I. Результаты этого сканирования должны быть переданы только мне; Я призываю Red Privacy». Это означало, что даже самой пациентке не сообщат результатов сканирования без разрешения Амелии.

Человек, который вызывал Амелию, ответил: «Вы — Амелия Боунс из DMLE, пациент — Поппи Помфри, сканирование ОРСС&I, Red Privacy. Понятно.»

«Кроме того, поскольку в Хогвартсе сейчас нет целителя, мне нужно, чтобы вы прислали нового целителя до возвращения Поппи Помфри; Я снова вызываю Red Privacy, когда новый целитель взаимодействует со всеми сотрудниками Хогвартса, включая директора».

Двумя минутами позже Поппи Помфри была доставлена в больницу Святого Мунго с помощью временной целительницы Андромеды Тонкс. Целительница Тонкс сильно напониала Беллатрису Лестрейндж, заметила Амелия.

Хотя вокруг никого не было, Целительница Тонкс понизила голос, когда спросила Амелию: «Если Целительница Помфри была заклинана разумом» — заклинание Целителя или Аврора было в высшей степени незаконным, — «у вас есть подозреваемый?»

Двери больничного крыла открылись, и вошел Альбус Дамблдор. — Ах, Амелия, как приятно снова вас видеть. Где Поппи?

Тем временем в офисе Ахефрензу в Гринготтсе

Гарри и мистер Тонкс, волшебник, прибыли в офис Ахефрензу одновременно.

Первое, что сделал Гарри, это временно проигнорировал мистера Тонкса, пока Гарри заключил контракт с Ахефрензу на тестирование и замену обереговых камней в Поместье Поттеров — всего было восемь обереговых камней. Гарри хотел, чтобы гоблины поставили новые обереги и новые чары Фиделиуса на Поместье Поттеров, а Гарри стал Хранителем Тайны.

Как только будет заключен контракт на ремонт обереговых камней в поместье Поттеров, можно будет начать регулярное собрание.

Гарри сказал мистеру Тонксу, что, как он и опасался, его имя выплыло из Кубка.

Ахефрензу взял воспоминание об этом событии и его последствиях, затем Ахефрензу воспроизвел воспоминание в гоблинской версии мыследума.

Когда демонстрация воспоминаний Гарри закончилась, мистер Тонкс сказал: — Мне нравится, как ты намекнул, что собираешься жить в маггловском мире. Если вы блефовали, отлично. Если это ваше истинное намерение, тоже отлично. Жизнь в маггловском мире усложнит Дамблдору поиск вас, потому что магически воспитанные волшебники ничего не знают о маггловском мире.

Гарри рассмеялся. "Истинный. Я мог бы разбить палатку на другой стороне Чаринг-Кросс-Роуд, и никакая выращенная на магии ведьма или волшебник никогда не нашла бы меня».

Мистер Тонкс сказал Гарри: «Я предлагаю вам забрать свое кольцо наследника Поттера сейчас и попытаться получить кольцо лорда Поттера сейчас. Посмотрим, освободил ли тебя Кубок.

Ахефрензу принес шкатулки с кольцами наследника Поттера и лорда Поттера, но первым протянул шкатулку лорда Поттера.

Гарри колебался. «Что произойдет, если я попытаюсь надеть кольцо, если по какой-то причине я не могу претендовать на титул лорда Поттера?»

Мистер Тонкс ответил: «Кольцо лорда Поттера слишком велико. Когда лорд Поттер надевает кольцо, оно сжимается, чтобы соответствовать его руке; если Наследник Поттер надевает кольцо Лорда Поттера, кольцо его игнорирует. Теперь, если я попытаюсь надеть кольцо Лорда Поттера, произойдет что-то ужасное.

Гарри надел кольцо Лорда Поттера на безымянный палец правой руки. Кольцо сжалось до плотного прилегания к его пальцу; Знания о семье Поттеров заполнили мозг Гарри.

— Поздравляю, лорд Поттер, — сказал Аксефензи, взмахнув рукой, и обе коробочки с кольцами исчезли.

Вспыхнул свет, и на столе перед Гарри появился бронзовый ключ от хранилища. — Ключ от фамильного хранилища Поттеров, — объяснил Аксефрэнзи. Затем гоблин усмехнулся, показывая зубы. «В хранилище находится сертификат акций на 75 процентов находящихся в обращении акций Grunnings Drills, Limited».

Гарри улыбался, глядя на гоблина и волшебника закона, которые были с ним в комнате. «Ахефрензу, теперь у меня для тебя новый приказ: атаковать».

Тем временем в больничном крыле Хогвартса

Альбус Дамблдор только что вошел в больничное крыло замка Хогвартс. Он мельком взглянул на Целительницу Тонкс, затем его взгляд переместился прямо на Амелию. С мерцающими глазами он сказал: «Ах, Амелия, как приятно снова видеть тебя. Где Поппи?»

— Не здесь, — ровным голосом ответила Амелия. Она смотрела на Дамблдора немигающим взглядом.

Дамблдор сказал: «Амелия, это моя школа. Я настаиваю, чтобы вы сказали мне, где Поппи и почему ее здесь нет.

«Нет, я не скажу вам. Красная конфиденциальность».

Дамблдор выстрелил в Амелию. Я так разочарован твоим взглядом. — Давай мы с тобой обсудим это в моем кабинете.

"Нет."

Амелия больше ничего не сказала; вместо этого она продолжала смотреть на Дамблдора сверху вниз. Разум, отличающийся от разума Амелии, коснулся ее щитов окклюменции. Прикосновение было тестовым зондом, достаточно мягким, чтобы большинство окклюменов его даже не почувствовали.

«Ты напыщенный дурак», — подумала Амелия и позволила Дамблдору уловить эту мысль из ее головы. Когда глаза Дамблдора расширились, Амелия схватила директора за руку, а затем ударила маленького барсука, приколотого к ее мантии.

«Тардис!» — сказала Амелия, и они с Дамблдором вылетели из замка Хогвартс.

образом мог завладеть ключом.

Через полчаса

Корнелиус Фадж больше всего любил три вещи: яблочный пирог со взбитыми сливками, взятки в тысячи галеонов и долги. Дамблдор, задолжавший Фаджу, был слишком привлекательной возможностью, чтобы упустить ее.

Фадж приказал освободить Дамблдора из его камеры в обмен на то, что директор дал обещание (не Нерушимую клятву, обратите внимание, и даже не Клятву), что Дамблдор предстанет перед судом, если ему будет приказано предстать перед судом.

Амелия Боунс не упомянула своему боссу, что Дамблдор уже подвергся серьезным допросам с использованием Veritaserum. Стенограмма сделана для интересного чтения.

Как только Дамблдор вернулся в Хогвартс, сова из Гринготтса доставила ему письмо, в котором говорилось, что все его хранилища заморожены. Однако гоблин, написавший письмо, похоже, не знал, что Дамблдор имеет доступ к трастовому хранилищу Гарри.

Дамблдор немедленно позвонил Молли, чтобы сказать ей, что ему нужен ключ от хранилища Гарри прямо сейчас .

Молли сказала Дамблдору, что потеряла ключ где-то в Косом переулке три недели назад.

Дамблдор решил аппарировать в Гринготтс и попытаться обманом заставить кассира сделать ему дубликат ключа от хранилища 687. Хотя то, что он будет спрашивать, противоречит правилам Гринготтса, Дамблдор считал само собой разумеющимся, что вскоре ключ будет у него в руках, потому что Дамблдор был мастером словесных уловок.

Через несколько минут у кассы в Гринготтсе.

Кассир прорычал: «Расскажи о своем деле, волшебник».

Дамблдор улыбнулся ему и сказал: «Мне нужно попасть в Убежище 687, но у меня нет ключа. Мне нужно изготовить дубликат ключа».

«Дайте мне свой палец для ритуала анализа крови».

Дамблдор повиновался, но кассир, заставив палец Дамблдора кровоточить, забыл залечить рану. Дамблдор был вынужден сам залечить рану с помощью беспалочковой магии.

Кассир сказал: «Единственными держателями учетных записей Убежища 687 являются Джеймс Поттер, покойный; Лили Поттер, умерла; и Гарри Поттер, четырнадцать лет. Ты не они, волшебник Дамблдор .

«Я волшебный опекун Гарри, и им уже тринадцать лет. Ознакомьтесь со специальными инструкциями для Убежища 687».

«Проверка Специнструкций требует времени, а время — деньги. Есть ли у вас действительный пергамент, подтверждающий вашу претензию?

"Нет, но-"

— Что-нибудь с подписью Джеймса Поттера или Лили Поттер?

"Нет, но-"

«Я не могу согласиться с вашей просьбой. Политика Гринготтса...

« Мерлин! — рявкнул Дамблдор. «Просто прочтите чертовы Особые инструкции! Неужели я прошу так много?"

«Очень хорошо, я проверю какие-либо Особые инструкции для Убежища 687».

Затем кассир посмотрел налево, на что-то, что Дамблдор не мог прочесть.

Тогда кассир закричал: « Мегкроб пу! ”

Через несколько секунд другие гоблины оттащили Дамблдора от окна кассира. Поскольку эти другие гоблины были одеты в доспехи и держали оружие из острой гоблинской стали, Дамблдор не пытался отбиваться от них.

Однако Дамблдор пытался, еще до того, как услышал обвинения гоблинов, потребовать, чтобы его передали под стражу DMLE. Над Дамблдором смеялись, а презрительный гоблинский смех страшно слышать.

Десять минут спустя

Молли Уизли была арестована в Норе четырьмя грозными гоблинами и обвинена в краже из Убежища 687. Перед арестом она не получила предупреждения ни от Дамблдора, ни от своего сына Билла.

Пять минут спустя

В классе Трансфигурации в Хогвартсе

Минерва МакГонагалл преподавала Трансфигурацию на пятом курсе в Рейвенкло и Слизерине, когда почувствовала, что подопечные Хогвартса переходят под ее контроль.

Минерва знала, что это значит: либо Альбус только что умер, либо только что был приговорен к тюремному заключению.

Минерва подняла палец, означая « Подождите », затем сказала ученикам: «Я должна на мгновение выйти из класса. Пожалуйста, сидите тихо.

Как только Минерва закрыла дверь класса и стояла в коридоре, она вызвала Вринкли, главного домового эльфа Хогвартса. Минерва сказала Ринкли: «Поручи домовым эльфам, портретам и призракам найти профессора Дамблдора, если он в замке; или узнать, куда он мог уйти, если его нет в замке.

Примерно через полчаса, после того как ученики вышли из класса, Почти Безголовый Ник прошел сквозь стену классной комнаты. Он поклонился Минерве и сказал: «Профессор МакГонагалл, портреты говорят мне, что сегодня утром профессор Дамблдор получил письмо из Гринготтса. Он прочитал письмо, сунул его в карман мантии и аппарировал прочь.

Минерва поблагодарила Ника; он ушел. Затем Минерва поняла, что ей нужно больше информации, которую знал только Гринготтс.

Впервые с тех пор, как Минерва была дерзкой семикурсницей, она попыталась аппарировать из Хогвартса. К ее полному шоку, ей это удалось, и она оказалась на крыльце Гринготтса.

Через несколько минут в Гринготтсе менеджер по работе с клиентами Хогвартса сказал Минерве, что вчера два школьных хранилища Гринготтса были заморожены; но теперь, когда Минерва стала директором, эти два хранилища будут освобождены.

«Кстати, — сказали Минерве, — одна из вещей, которые Заключенный Дамблдор сделал, чтобы разозлить нас, заключалась в том, что он заплатил призраку, Катберту Биннсу, жалованье, но

затем Заключенный Дамблдор направил всю эту зарплату в свои собственные хранилища».

Большой зал Хогвартса, обеденное время.

Когда Гермиона вошла в Большой зал, никто не сидел ни на стуле профессора МакГонагалл с высокой спинкой за Высоким столом, ни на золотом троне, на который осмелился сесть только профессор Дамблдор. Гермиона не обращала внимания на то, что оба стула пустовали.

Затем вошла профессор МакГонагалл. Гермиона не обратила внимания на тот факт, что шотландка прибыла, а Дамблдор — нет — ведь 99 процентов еды, которую Гермиона ела здесь за последние три года, — все студенты и все остальные профессора. уже сидели, когда профессор Дамблдор наконец удостоил своим присутствием Большой Зал.

Но на этот раз профессор МакГонагалл не подошла к своему старому креслу; вместо этого она подошла к золотому трону рядом со своим креслом. МакГонагалл превратила золотой трон в копию кресла заместителя директрисы; за исключением того, что у преобразованного трона была белая буква Н на спинке стула.

К этому времени студенты заметили волшебство профессора МакГонагалл, и Гермиона услышала бормотание по всей комнате.

Профессор МакГонагалл села — не в кресло заместителя директора, а на преобразованный золотой трон.

Профессор Снейп выглядел обеспокоенным.

Через две минуты профессор МакГонагалл встала. «Прежде чем мы поедем, я должен сделать объявление. Профессора Дамблдора поймали на краже гоблины и приговорили к семидесяти пяти годам заключения в шахтах гоблинов. Перевод: Дамблдор был приговорен к смертной казни от истощения.

Профессор МакГонагалл продолжила: «Теперь я исполняю обязанности директора».

Профессор Снейп встал и сказал: «Я уйду в отставку с поста учителя зелий и главы Слизерина, вступает в силу немедленно».

Профессор Снейп не успел сделать и двух шагов к дверям, ведущим в подземелья, как раздались одобрителльные возгласы, настолько громкие, что у Гермионы зазвенело в ушах.

Десять минут спустя, все еще в Большом зале

Гермиона сидела за столом Гриффиндора и ела, когда услышала нормальные звуки множества детей, говорящих позади нее, и успокоилась. В то же время Лаванда ахнула: «Гермиона, смотри! »

Гермиона обернулась и увидела, что по Большому залу порхают совы. Одна сова, снежно-белая, направлялась прямо к Гермионе.

К тому времени, когда Гермиона поблагодарила Хедвиг беконом и открыла клапан маггловского конверта, в котором было письмо Гарри, в Большом зале воцарилась тишина.

Все — студенты и профессора, первокурсники и семикурсники, гриффиндорцы и слизеринцы, британские и иностранные студенты — смотрели на Гермиону, ожидая, что же будет написано в письме Гарри. Даже Драко был внимателен (хотя тоже хмурился).

Тишина была настолько полной, что Гермионе не понадобился Сонорус , чтобы прочитать вслух письмо Гарри и быть услышанной...

Перво-наперво. Я где-то в тепле, сухости и безопасности, но я не скажу тебе где. Чего вы не знаете, вы не можете сказать, когда кто-то с пятью именами тайно читает ваши мысли. Единственное место, где я не бываю , — это мои ужасные родственники-маглы: я буду спать под звездами шотландской зимой, прежде чем снова вернуться к этим людям .

Прямо сейчас, я думаю , у меня все еще есть моя магия. Но это трудно сказать, когда у меня больше нет моей палочки из падуба и пера феникса. Хедвиг (моя сова) и Добби (мой домашний эльф) пока со мной, так что я мог бы пойти в Гринготтс и принести несколько галеонов, затем я мог бы пойти в магазин палочек Олливандера и купить палочку на замену, но я еще не сделал эти вещи. Зачем беспокоиться, если я могу стать магглом 24-го? Но послушай, даже если я все еще буду волшебником на следующий день после Первого задания, я все равно не буду покупать новую палочку. Я действительно зол на волшебный мир, Гермиона.

Скажи Луне Лавгуд «Спасибо» за то, что она вышла и сказала мне, что поверила мне. Она не в нашем Доме, ей не нужно было ничего делать или говорить, но она это сделала, и это много значит для меня.

Знаете ли вы, что мне было труднее сказать вам «я люблю вас» в Большом зале и поцеловать вас в Большом зале, чем встретиться лицом к лицу с василиском в Тайной комнате? Я боролся с василиском, потому что никто другой не мог, но вчера я так испугался , что ты скажешь мне: «Давай просто будем друзьями». Но ты позволил мне сказать тебе, что я люблю тебя, и ты позволил мне поцеловать тебя, и теперь ты моя девушка. Это чертовски гениально!

Я люблю тебя, Гермиона. Я любил тебя больше года, с тех пор, как ты окаменел, и я буду любить тебя вечность.

По всему Большому залу Гермиона слышала женские вздохи. Профессор МакГонагалл мягко улыбнулась.

Джинни Уизли пробормотала: «Бесполезная сволочь, он мой! »

Чемпион Шармбатона заговорил в полной тишине: «Мальчишка сбил бейслиска? »

<http://tl.rulate.ru/book/80788/2458769>